

Роберт Стивенсон

Убийца

Роберт Льюис Стивенсон

Убийца

«Public Domain»

1885

Стивенсон Р.

Убийца / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1885

«— Да, — сказал антиквар, — наши барыши возрастают от разного рода обстоятельств. Одни покупатели бывают невежественны, не понимают толк в вещах, и тогда мы наживаемся на их невежестве, то есть взываем с них известный дивидент за свое превосходство в знании; другие люди бывают сомнительной честности, — и при этом антиквар поднял свечу так, что свет ее упал прямо на лицо его посетителя, — и в таких случаях мы тоже извлекаем пользу из своей высшей добродетели, — добавил он...»

Содержание

Убийца	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Роберт Стивенсон Убийца

* * *

Убийца

– Да, – сказал антиквар, – наши барышни возрастают от разного рода обстоятельств. Одни покупатели бывают невежественны, не понимают толк в вещах, и тогда мы наживаемся на их невежестве, то есть взываем с них известный дивидент за свое превосходство в знании; другие люди бывают сомнительной честности, – и при этом антиквар поднял свечу так, что свет ее упал прямо на лицо его посетителя, – и в таких случаях мы тоже извлекаем пользу из своей высшей добродетели, – добавил он.

Маркхейм только что вошел с улицы, где было еще совершенно светло, и глаза его не успели еще освоиться со светом свечи и окружающим мраком лавочки антиквара, и потому при последних словах этого человека, вероятно, от близости поднесенной к самому его лицу зажженной свечи, он невольно болезненно заморгал и отвернулся.

Торговец странно захихикал.

– Вы явились ко мне в самое Рождество Христово, – продолжал он, – в такое время, когда вы знаете, что я один в целом доме, что я закрываю ставнями окна моей лавочки и ни под каким видом не делаю никаких сделок или торговых операций; ну, разумеется, вам придется заплатить мне за это! Вы должны заплатить мне за потраченное мною с вами время, которое я должен был употребить на сведение балансов в моих книгах, и, кроме того, вам придется заплатить мне еще и за ту странную манеру, которая сегодня особенно ярко сказывается в вашем обращении со мной. Я, видите ли, все учитываю! Как вам известно, я – сама скромность, и никогда не задаю никому неприятных и щекотливых вопросов, но когда мой клиент не может смотреть мне прямо в глаза, и я соображаю, что тут что-то не совсем ладно, то и за это ему тоже приходится несколько приплачивать.

Тут антиквар еще раз хихикнул и лукаво и многозначительно прищурился, но затем перешел на свой обычный деловой тон, в котором, однако, все еще слышалась ироническая нотка.

– Ну, вы, конечно, как всегда, можете весьма точно и подробно объяснить, каким образом к вам попала та вещь, которую вы предлагаете мне купить? Вероятно, она все из той же богатой коллекции вашего дядюшки, не так ли? Удивительный это был коллекционер, надо отдать ему справедливость!

И маленький, бледный, тщедушный и сутуловатый антиквар приподнялся при этом на цыпочки и смотрел поверх своих золотых очков на своего посетителя, с видимым недоверием покачивая головой.

Маркхейм ответил на это взглядом, полным бесконечной жалости и непреодолимого отвращения, но отвечал сдержанно и спокойно:

– На этот раз вы ошибаетесь; я пришел не предложить вам купить что-нибудь у меня, а наоборот, я пришел купить у вас сам то, что мне приглянется. В данный момент у меня нет таких редкостей, которые я мог бы предложить вам или от которых я хотел бы отделаться; дядюшкина коллекция совершенно исчерпана; в его кабинете не осталось ничего, не исключая резной дубовой панели, но даже в том случае, если бы там еще сохранилось кое-что, я сегодня скорее прибавил бы к ней что-нибудь, чем убавил из нее. В последнее время мне повезло на бирже, и сейчас я при деньгах. Сегодняшнее мое дело к вам очень простое: мне нужен интересный рождественский подарок для молодой особы, – пояснил он, становясь все более и более красноречивым по мере того, как он добирался до заранее приготовленной им маленькой басни. – Я, конечно, очень извиняюсь, что обеспокоил вас в такое неурочное время и по столь маловажному делу, но суть в том, что вчера я забыл позаботиться о подарке, а между тем я должен сделать это маленькое подношение непременно сегодня за обедом. Как вам известно, в наше время богатые невесты – такого рода вещь, которой пренебрегать никак нельзя.

Последовало непродолжительное молчание, во время которого антиквар, по-видимому, взвешивал с некоторым недоверием слова своего посетителя.

Царившую в лавке тишину нарушало только тиканье разнообразных часов, которых было много среди драгоценного хлама этой антикварной лавки, да еще доносившийся сюда отдаленный шум эйипажей, проезжавших по ближайшей улице.

– Пусть так, сэр, – сказал наконец антиквар, – вы мой старинный клиент и посетитель, и если, как вы говорите, вам представляется случай сделать хорошую партию, то я далек от мысли быть для вас препятствием в этом деле. Вот хорошенькая вещица для дамы, – продолжал он, – это ручное зеркальце XV столетия, удивительно изящное; ручаюсь за подлинность. Я приобрел его из собрания одного очень хорошего коллекционера, имя которого я вам не назову, в интересах моего клиента, который, как и вы, племянник и единственный наследник своего дядюшки, тоже замечательного коллекционера.

Произнося эти слова своим обычным сухим и несколько язвительным голосом, старик нагнулся, чтобы взять с полки зеркальце, и в тот момент, когда он сделал это движение, точно электрический ток пробежал по всему телу Маркхейма; он почувствовал дрожание в руках и в ногах, и на лице его отразились самые противоречивые чувства и страсти. Но все это прошло так же быстро, как и пришло, не оставив ни малейшего следа, кроме легкого, едва заметного дрожания руки, которая взялась теперь за зеркальце.

– Зеркало?! – произнес хрипло Маркхейм и спустя немного повторил более внятно: – Зеркало? Для рождественского подарка? Что вы?

– А почему нет?! – воскликнул антиквар, – Почему же не зеркало?

Маркхейм смотрел на него с каким-то неуловимым выражением на лице.

– Вы спрашиваете меня, почему не зеркало? – сказал он. – А вот, взгляните сюда, в это самое зеркало, что вы видите в нем? Себя! Ну, и приятно вам это видеть, скажите? Нет, ну и мне тоже неприятно, да я думаю, что и каждому человеку это неприятно...

В тот момент, когда Маркхейм вдруг неожиданно поднес зеркало к самому лицу тщедушного маленького антиквара, тот невольно отшатнулся назад в испуге, но затем, видя, что бояться ему нечего и что молодой человек в данном случае ничего дурного не замышляет, старик захихикал и любезно возразил:

– Но я полагаю, сэр, что ваша будущая супруга не обижена красотой, а потому отражение ее в зеркале едва ли может быть неприятно ей...

Но Маркхейм не слушал его и продолжал свое:

– Я вас просил показать мне что-нибудь подходящее для рождественского подарка даме! А вы даете мне вот это!.. Это проклятое напоминание о возрасте, о наших грехах, проступках, о наших безрассудствах и безумии!.. Эту проклятую, наглядную совесть! Скажите, вы с умыслом это сделали? Или же вы поступили так просто не подумав, без всякой задней мысли? Скажите, для вас же будет лучше, если вы скажете мне правду!.. Знаете что?.. Расскажите мне что-нибудь о себе! Я попытаюсь угадать и, может быть, не ошибусь, если скажу, что в душе вы человек добрый, сострадательный, даже, может быть, милосердный...

Антиквар пристально и внимательно смотрел на своего собеседника. Странно, Маркхейм, по-видимому, вовсе не шутил; на его лице не было ни малейшего признака усмешки; нет, в нем как будто теплилась горячая искра надежды, голос звучал задушевно, но ни в глазах, ни в голосе не было и тени веселости.

– Скажите, сэр, к чему вы клоните этот разговор? – спросил наконец хозяин лавки.

– Как? – воскликнул посетитель. – Так, стало быть, вы ничуть не сострадательны, не милосердны, не богобоязненны, не совестливы... Вы не любите никого и никто вас не любит! Так вы, в сущности, только руки загребушие и глаза завидушие! – И голос его теперь звучал укоризненно и мрачно. – Вы только скряга, руки которого тянутся к деньгам, вы скупец, хранящий и стерегущий эти деньги, и больше ничего! Боже правый! И такое существо зовется

человеком! Скажите же мне, неужели нет в вас ничего, кроме этой страсти к деньгам! Неужели это все, и больше нет ничего в этой душе!

– Пойдите, – сказал антиквар несколько резким тоном, – я вам скажу, что это... – Но затем, не договорив, он опять захихикал и продолжал уже иным, более мягким тоном: – Вы, как я вижу, женитесь по любви, и, вероятно, вы уже успели выпить за здоровье вашей нареченной... Так, так!

– А-а!.. – воскликнул на это Маркхейм со странным возбуждением и видимым любопытством, – вы тоже были влюблены? Да?! Расскажите же мне об этом, это должно быть очень любопытно!

– Я?! – запротестовал антиквар, – я влюблен? Что вы! У меня никогда не было времени на это, да и теперь у меня тоже нет времени на такие пустяки... Так вы берете зеркальце, сэр?

– Куда спешить, – возразил Маркхейм, – мне так приятно стоять здесь и беседовать с вами, а жизнь так коротка и так ненадежна, что я не желал бы лишать себя ни единого удовольствия, а тем более такого невинного, как это! Мы должны всеми силами цепляться за всякую, даже малейшую, радость, доступную нам, как цепляется человек, стоящий на краю пропасти или обрыва, за самые крошечные пучочки травы; каждая секунда нашей жизни это такая опасная, обрывистая скала, если только подумать хорошенько, скала высокая-превысокая, настолько высокая, что если мы свалимся и сорвемся с нее, то от нас не останется ни образа, ни подобия человека. Вот почему особенно приятно поговорить по душам; будем же говорить друг о друге и о себе – будем говорить открыто. Зачем нам всегда скрываться под личиной? Будем искренни и доверчивы, как знать, быть может, мы могли бы стать друзьями, если бы ближе знали друг друга!

– Я могу вам сказать только одно, сэр, – сказал довольно сухо антиквар, – вы или покупайте что вам надо, или уходите из моей лавки.

– Да, да, – сказал Маркхейм, – действительно, довольно балагурить, пора и к делу! Покажите мне что-нибудь другое – зеркала я не хочу.

Антиквар еще раз наклонился, чтобы положить зеркальце на его место, на полку, причем его редкие белокурые волосы упали ему на глаза. Маркхейм подался немного вперед, держа одну руку в кармане своего широкого пальто, затем он приподнялся немного и втянул в себя воздух, как бы собираясь наполнить им свои легкие, чтобы крикнуть во всю мочь, и при этом на лице его отразилось разом несколько противоречивых чувств и ощущений: ужас, отвращение, решимость, непреодолимое влечение к чему-то, и вместе с тем физическое чувство гадливости; из-под растерянно вздернувшейся верхней губы как-то жутко выглянули его острые белые зубы.

– Может быть, это вам подойдет, – сказал антиквар, и в тот момент, когда он стал приподниматься, Маркхейм сзади наскочил на него, длинный веретено-подобный кинжал сверкнул в воздухе, удар был нанесен. Антиквар забарахтался, как курица с перерезанным горлом, затем ударился виском о полку и копной свалился на пол.

А часы в лавке продолжали тикать на разные голоса; одни довольно громко, но медленно и величаво, как подобало их почтенному возрасту и их внушительным размерам, другие торопливо болтали своими медными язычками, и все разом, каждые по-своему отсчитывали секунды сбивчивым, нестройным хором, наполняя царившую кругом мертвую тишину своеобразными, странными, жуткими звуками. Но вот по тротуару мимо дверей лавки пробежал мальчуган, и стук его тяжелых сапог на каменных плитах заглушил на мгновение эти странные тикающие звуки часов и пробудил Маркхейма к сознанию действительности и всего окружающего. Он в ужасе осмотрелся кругом. На конторке горела свеча и пламя ее медленно колебалось от движения воздуха. От этого мелкого колебания пламени все помещение наполнилось бесшумным, как бы призрачным движением; все кругом колебалось, дрожало, шаталось, кивало и ходило ходуном, как при качке на море. Высокие, длинные тени ложились от различных предметов

на стены, потолок и другие предметы, и тени эти дрожали и изгибались, словно насмешливо кивали кому-то; мрак, скопившийся в углах, и широкие темные пятна в тех местах, куда падал свет свечи, как будто ширились и росли, вздувались и опадали, как грудь при тяжелом дыхании; лица старинных портретов и фарфоровых или костяных китайских божков менялись и расплывались как отражения на текучей воде. Дверь во внутреннее помещение была только притворена и через образовавшуюся щель яркий дневной свет узкой полосой прорезывал мрак, сгустившийся в глубине торгового помещения, напоминая своей формой яркий указующий перст.

Полный ужаса блуждающий взор Маркхейма со всех этих окружающих его предметов перешел наконец на труп его жертвы. Он лежал скорченный, и в то же время все его члены как будто вытянулись, но, несмотря на это, он казался таким маленьким, таким невероятно жалким и щедущим; он как будто съежился даже против того, каким он был при жизни. В этом почти нищенском платье, и в этой жалкой, неестественной, гадкой позе, антиквар лежал на полу за прилавком, точно кучка опилок, сметенных с пола вместе с мусором. Маркхейм сперва боялся взглянуть на труп, но теперь он смотрел на него, и ничего! Однако по мере того, как он смотрел на эту кучку старого поношенного платья и небольшую лужицу крови, что-то начинало как будто говорить в ней и в нем самом.

– Тут он лежит, тут ему и лежать! – мысленно произнес Маркхейм. – Теперь некому привести в движение весь хитроумный механизм этих мускулов, некому управлять чудом передвижения; теперь ему лежать здесь до тех пор, пока его не найдут. А найдут? Что тогда? Тогда это мертвое тело подымет шум на весь мир, так, что его услышит вся Англия, и разнесутся по всему свету отголоски судебного преследования и начнется такая травля человека, какой не бывает и на зверя... Да, живой ли или мертвый, он все равно мне враг! Да, было время, когда я мог размозжить ему голову. – И слово «время» почему-то засело у него в мозгу... – Да, было время, а теперь, такое время, когда дело уже сделано, – мысленно рассуждал Маркхейм, – время, переставшее существовать для жертвы, стало жгучим, мгновенным и жутким для убийцы.

Эта мысль не успела еще вылететь у него из головы, как часы одни за другими, и по нескольку вместе, стали отбивать время; одни быстро, скороговоркой, как будто торопясь сделать свое дело, другие торжественно, медленно и раздельно; одни глубоким басом, как старые башенные часы на колокольне собора или как церковные колокола, другие – звенящим тоненьким голоском выкрикивали время, третьи – на слабых, дрожащих нотах выводили прелюдию старинного вальса. Все они возвещали три часа пополудни.

Этот разноголосый звон часов, прервавший внезапно мертвую тишину, заставил вздрогнуть убийцу и вернул его к действительности. Он как бы встрепенулся и принялся ходить взад и вперед со свечой в руке, сопровождаемый целым роем движущихся теней и невольно содрогаясь до глубины души при виде своего собственного отражения в зеркалах. Множество роскошных ценных зеркал, частью местного производства, частью старинных венецианских и амстердамских, повторяли повсюду его бледное, растерянное лицо, и ему казалось, что он окружен целой армией шпионов. Его собственные глаза, встречаясь с теми глазами, казалось, уличали его, он читал в них свой приговор и тайну своего преступления; и звук его шагов, легких и почти неслышных, неприятно нарушал окружающую тишину. И в то время, как он почти машинально набивал свои карманы всем, что попадалось ему под руку, его ум мучил и терзал его, уличая и обвиняя его с болезненным раздражением, в тысячах оплошностей и недочетов его плана. Он мог бы избрать более позднее время; он должен был подготовить себе заблаговременно *alibi*; он не должен был прибегать к помощи стилета или кинжала, следовало быть более осторожным, можно было наброситься на свою жертву, связать, заткнуть рот кляпом, чтобы несчастный не мог кричать и звать на помощь, а убивать не было никакой надобности. Или же он должен был быть еще смелее, еще решительнее, и убить также и служанку. Словом,

он должен был все сделать совсем иначе. И эти горькие, бесплодные сожаления, томительные, мучительные и бесполезные, терзали его ум и душу, утомляли его мозг, порождали болезненное желание изменить то, чего уже нельзя было изменить, выработать план более совершенный, но который теперь уже нельзя было осуществить, и стать строителем того будущего, которое успело уже стать невозвратным прошедшим... И наряду со всем этим, при всей лихорадочной деятельности мысли, грубый животный страх и нелепый ужас охватывали все его существо, леденили ему душу и грызли его мозг, как крысы грызут балки и стропила покинутого здания, наполняя его воображение страшными галлюцинациями и дикими, беспорядочными фантазиями. Минутами он ощущал на своем плече тяжелую руку констэбля, и при этом он дрожал, словно рыба, попавшая на крючок. Перед ним быстрой вереницей проносились: скамья подсудимых, тюрьма, виселица и черный гроб. И непреодолимый страх, боязнь людей, идущих по улице, вдруг осаждал его, как победоносная армия осаждает беззащитный город. Невозможно, думал он, чтобы ни малейший звук борьбы не донесся до их слуха и не возбудил их любопытства; ему казалось, что во всех соседних домах он видит, как люди застыли в неподвижных позах и прислушиваются к тому, что происходит здесь. Одинокие люди, осужденные проводить этот день Рождества без родных и друзей, одни со своими воспоминаниями о прошлом, внезапно прервали нить этих милых сердцу дум, этих сладких грез: страшное дело совершилось в их соседстве! Счастливая семья, дружная и веселая, вдруг окаменела от ужаса и смолкла, сидя за праздничным столом: мать еще держит кверху поднятый палец, призывая всех к вниманию, а там, дальше, люди всех классов и сословий, всех положений и возрастов, – все, как один, молчат и ждут, и желают видеть его, Маркхейма, на виселице, – и все они готовы сами свить для него веревку... Минутами ему начинало казаться, что как бы тихо и осторожно он ни ступал, его все-таки слышно; звон высоких богемских бокалов на полках раздавался в его ушах громко, как звон колоколов, а тиканье часов ему казалось столь раздражительным и шумным, что у него появлялось желание остановить все часы. А минуту спустя его испуганный ум с быстротой молнии создавал ему новые страхи, и самая тишина этого помещения начинала ему казаться зловещей и жуткой, могущей породить для него новые опасности. Такая тишина должна поразить каждого и заставить застыть от ужаса всех прохожих; и при этой мысли он начинал ступать смелее, шумно передвигал вещи, роясь в сокровищах, загромождавших эту лавку, и подражая с удивительной обдуманностью и точностью хлопотливому хозяину, прибирающему у себя в доме с величайшей непринужденностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.